

УДК 81`23

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-141-149

«ОСВОЕННАЯ РЕАЛИЯ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ЕЁ МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ПЕРЕДАЧА

Пугина Е.Ю., Смыслов С.П., Холстинина Т.В.

Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. Характерной чертой слов-реалий признаётся присущая им национально-культурная специфика, вследствие чего в текстах, принадлежащих чужой культуре, они обычно функционируют как экзотизмы. Вместе с тем степень контакта между языками и народами может существенно различаться, вследствие чего возможны случаи, когда для одной культуры чужая реалья будет в определённой мере «освоенной», тогда как для другой дело обстоит принципиально иным образом. В этой связи в статье рассматриваются подобные единицы в британском (лексика, связанная с британской Индией) и американском (слова, происходящие из различных языков коренных народов) вариантах английского языка и анализируются некоторые аспекты их передачи на русский язык.

Ключевые слова: реалья, освоение, оригинал, перевод, текст, автор, передача, межъязыковой, индийский.

“THE ASSIMILATED REALITY” IN THE ENGLISH LITERARY TEXT AND ITS INTERLINGUAL RENDERING

E. Pugina, S. Smyislov, T. Kholstinina

Moscow Region State University

10A, Radio st., 105005, Moscow, Russian Federation

Abstract. The distinctive feature of realities is recognized in its national-cultural specificity, due to which in the texts that belong to a foreign culture, they usually function as exoticisms. However, the degree of contact between languages and nations can vary considerably, resulting in possible cases when for one culture the alien reality will be to some degree "assimilated", whereas for the other culture the situation will be fundamentally different. In this regard, the article discusses this type of words in the British (the vocabulary associated with British India) and American (words from various indigenous languages) variants of the English language and analyses some aspects of their rendering to the Russian language.

Key words: reality, assimilation, original, translation, text, author, rendering, interlingual, indian.

Проблематика, связанная с природой характерных черт лексического пласта, известного как слова-реалии, занимает большое место в различных дисциплинах филологической науки, лингвокультурологии, сопоставительной лексикологии, лингвострановедения и др. Однако наиболее часто относящиеся к ней во-

просы рассматриваются в трудах и исследованиях о теории перевода – в первую очередь перевода художественного. Это вполне понятно, поскольку, если говорить о лексике и фразеологии, именно слова-реалии представляют нередко наибольшую сложность при межъязыковой передаче (этот момент хорошо отражает название известного труда С. Влахова и С. Флорина, ставшего своего рода классическим трудом в этой области – «Непереводимое в переводе») [1].

Вопросы, связанные с передачей реалий различного характера, в последние десятилетия не раз были предметом специального рассмотрения (в отечественной науке известна, в частности, работа Г.Д. Томахина [5]), не говоря уже о том, что в подавляющем большинстве учебных пособий и курсов теории перевода им, как правило, бывает посвящён соответствующий раздел. Вместе с тем интересующая нас проблема сохраняет свою актуальность, во-первых, в силу того, что чрезвычайное разнообразие охватываемых этим понятием единиц требует от переводчика в каждом конкретном случае нахождения своего решения, зачастую носящее нестандартный характер (что, естественно, предполагает, в свою очередь, соответствующее теоретическое осмысление), во-вторых – что прямо относится к предмету настоящей статьи – в силу упомянутой выше «экзотичности» реалий. Они, с одной стороны, никогда не теряют налёта «чужого» за рамками своей культуры, а с другой (используя известную аналогию В. фон Гумбольдта) – могут при этом быть «чуждыми» для одной аудитории и в известной степени «освоенными» (т. е. относительно знако-

мыми) – другой. К этому приходится добавить и то обстоятельство, что в зависимости от действия ряда факторов исторического, политического, культурного и иного характера между разными культурами может наблюдаться как процесс сближения (что в условиях часто поминаемой в современных исследованиях глобализации обычно рассматривается как доминирующая тенденция), так и отчуждения (распад некогда единого государства, объединявшего разные народы, неизбежно уменьшает контакты между последними, а следовательно, может привести к повышению степени «экзотичности» реалий, относящихся к соответствующим культурам).

Само собой разумеется, что, чем шире распространяется экспансия того или иного государства за пределы своих исторических границ, а следовательно, и экспансия его языка, тем более интенсивно будет протекать процесс не только «отдачи» своей лексики другим, но и «принятия» тех или иных единиц от этих последних. А среди таких единиц бесспорно будут преобладать именно реалии, без которых осуществлять межкультурную коммуникацию, затрагивающую в той или иной степени жизнь и быт тех, с кем осуществляется контакт, не представляется возможным – равно как и знакомить «свою» аудиторию с ними.

Положение ещё более осложняется в тех случаях, когда тексты, созданные для «своих» и содержащие упомянутые чужие (но в определённом отношении уже «освоенные») лексические единицы, оказываются переданными на другой язык, обслуживающий культуру, для которых «чуждость» переходит в «чуждость».

При этом приходится принимать во внимание ещё одно обстоятельство. Процесс языковой экспансии может привести к появлению так называемых национально-территориальных вариантов языка (подробнее см. [4]), в каждом из которых, естественно, тоже будут наличествовать реалии, пришедшие из языков, в контакте с которыми этот язык формировался. Причём, будучи «освоенными» для данного варианта, они отнюдь не всегда в такой же степени воспринимаются как таковые носителями других вариантов. При этом, естественно, потенциально «средний» канадский читатель скорее будет знаком, скажем, с важнейшими реалиями, вошедшими в австралийский вариант английского языка, нежели читатель русский или китайский, поскольку соответствующие источники (художественная литература, СМИ и т. п.) ему, как владеющему инвариантом, который и создаст единство различных вариантов, содержащие их тексты гораздо доступнее (разумеется, здесь речь идёт именно об условном, «среднем» представителе вторичной аудитории, а не, например, о специалисте).

Указанные моменты ярко проявляются при работе, связанной с передачей англоязычных художественных (и не только) текстов, поскольку английский, по понятным причинам, обладает собственными разнообразными вариантами, в основном отряжающими процесс продолжительной колониальной экспансии. Если для британского (так сказать, «исконного») его варианта наиболее заметным был контакт с многочисленными языками народов Индии (термин «англо-индийский» укоренился ещё в XIX в., и отнюдь не

только по отношению к чисто языковым особенностям), то в создании американского варианта должны были участвовать не менее многочисленные (хотя и с гораздо меньшим числом носителей) языки коренного населения континента (по своеобразной исторической иронии судьбы также известные как Indian). Добавим, что как «индийский» колорит в британской, так и «индейский» в американской литературе заметно отразился в художественных произведениях, созданных писателями соответствующих стран – достаточно вспомнить Р. Киплинга в Англии и Ф. Купера в Америке.

Что касается «среднего» русского читателя, знакомившегося с произведениями Р. Киплинга и Ф. Купера в русских переводах (к настоящему времени имеющих достаточно длительную традицию), и в том и в другом случае переводчики сталкивались с проблемой передачи «чужих» (индийских и индейских) реалий в подлиннике. В связи с этим при осуществлении указанного процесса возникала задача, оставив их для отечественной аудитории «чужими», избегать того, чтобы они воспринимались как полностью чужеродные. Т. е. их введение в текст на переводном языке не должно было препятствовать выполнению переводом как познавательной (понимание того, о чем идет речь), так и лингвостилистической (сохранение произведением своей эстетической ценности) функций.

Говоря об индийских реалиях, часто обращают внимание на следующие моменты. С одной стороны, достаточно часто проявлялась необходимость «довести» до собственно британских (не говоря уже о других англоязыч-

ных) читателей содержание многих из такого рода «англо-индийских» лексических единиц (отметим, что среди них могут быть слова не только собственно индийского, т.е. относящегося к языкам Индии, происхождения, но и слова, восходящие к арабским, персидским, португальским и иным источникам). Уже в XIX в. это привело к появлению различных «англо-индийских» словарей, образцом которого может служить [6]. С другой стороны, в целом большей части английских читателей было свойственно хотя бы неполное понимание той действительности, которая стояла за соответствующей реалией, поскольку «в активном словаре колониальной Англии ... было немало слов и словосочетаний, связанных с Индией» [3, с. 235], которые, естественно, проникали и в саму Британию. В любом случае, вводя реалию без пояснения, автор, как правило, рассчитывал хотя бы на такое – редуцированное – понимание.

Справедливость этого положения, на наш взгляд, может быть подтверждена тем, что довольно значительное число подобного рода «индийских» (в широком смысле слова) реалий можно встретить не только в произведениях, ориентированных на собственно индийскую тематику (как скажем, у того же Р. Киплинга или Э.М. Форстера), но и в текстах, фоном действия которых служит весьма прозаический (с точки зрения британца, жившего в ту эпоху) Лондон или провинциальные местности конца XIX – начала XX в. Так обстоит дело, например, в творчестве А. Конан Дойла, где «индийский антураж» может использоваться в качестве своего рода «экзотической пряности», как это имеет место, например, в из-

вестном романе «Знак четырёх» [2], где мистер Шолто предстаёт перед гостями в окружении восточной роскоши, а роль дворецкого играет *khitmutgar* – выходец из Индии (вопрос о том, насколько точно А. Конан Дойл, непосредственно с Индией, в отличие от того же Р. Киплинга, не связанный, воссоздавал «индийский колорит», не является предметом рассмотрения настоящей статьи).

Кстати, последняя лексема может служить наглядной иллюстрацией к вопросу о том, что, собственно говоря, может пониматься под «освоенной реалией» исходного текста. С внешней точки зрения, вероятно, определённую роль играет то, как её вводит в повествование автор последнего: если каких-либо пояснений не даётся (в данном случае дело обстоит именно таким образом), то, очевидно, она предполагается знакомой или, во всяком случае, в целом понятной для той аудитории, для которой произведение предназначено. В этой связи привлекает внимание тот факт, что в русском переводе, относящемся к середине прошлого столетия (когда, в принципе, полноте передачи текста, включая воссоздание фигурирующих в нем реалий, уделялось достаточно большое внимание) предпочли прибегнуть к так называемому нулевому переводу (см. о нём [2]), т. е. к опущению реалии.

Вместе с тем, говоря об «индийских» реалиях в произведениях британской литературы XIX – первой половины XX в. (если можно так выразиться, создающих присущий им «англо-индийский» колорит), приходится принимать во внимание и то обстоятельство, что объём понятия «индийский» для их авторов неравно-

значен современному пониманию, поскольку оно охватывало и те области, которые принадлежат «мусульманской Индии», ныне образующие Пакистан и Бангладеш. Однако деление в данном случае не носит чисто территориального характера, поскольку «исламский элемент» достаточно силён и на территории нынешней «собственно Индии» (достаточно вспомнить, что одна из наиболее известных её достопримечательностей, знаменитый мавзолей Тадж-Махал, представляет собой памятник именно мусульманской культуры. Это явление вполне понятно, поскольку последняя доколониальная династия Великих Моголов, правившая в стране до прихода британцев, как раз и олицетворяла мусульманское владычество. Указанное обстоятельство можно проследить и на основании того факта, что и во многих произведениях Р. Кипплинга (включая наиболее крупный текст романа «Ким») и в отличном от него по духу романе Э.М. Форстера «Поездка в Индию» весьма значительный слой действующих лиц составляют именно «местные мусульмане». А как хорошо известно, в тот же период с исламским миром во время присоединения Кавказа (так называемых кавказских войн) достаточно тесно контактировала и русская литература. В этом отношении при всех политических социальных и иных различиях, кавказскую тематику русской культуры можно в какой-то степени уподобить индийской в британской культуре указанного периода (хотя, в отличие от того же Р. Кипплинга, поэтизацией колониальных захватов русские писатели в своём громадном большинстве не занимались). Если добавить к этому, что знакомство и

достаточно тесные контакты с исламским миром начались гораздо раньше (Поволжье, Сибирь, Крым), то некоторые реалии, «освоенные» английским языком в Индии (другие регионы мусульманского Востока не являются предметом рассмотрения данной статьи), могут считаться «освоенными» и русским языком (*мулла, мечеть, минарет, хадж* и др.). Как отмечала в своей диссертации М.И. Сивохо, подобное явление имеет место и при переводе на арабский язык русских авторов XIX в., писавших на «кавказскую» тематику [4], хотя соотнести две эти группы в обоих языках не всегда представляется лёгкой задачей. Так, знакомый тем, кто соприкасался во время военных и дипломатических контактов с Персией и проживавшими в Закавказье иранцами, *шахсей-вахсей* не сразу поддаётся отождествлению с английским *Hobson-Jobson* (характерно, что именно это название было дано своему труду авторами одного из наиболее известных англо-индийских словарей XIX в., о котором упоминалось выше).

Переходя к вопросу о ситуации с индейскими реалиями с интересующей нас точки зрения, можно заметить следующее. Если применительно к индийским реалиям «освоение» русским языком могло носить двоякий характер, через английское посредство и – поскольку речь идёт о рассмотренной выше лексике, относящейся к исламу – непосредственно вследствие контактов с народами, исповедующими мусульманскую религию, то с индейскими языками ситуация была несколько иной. Хотя истории известно понятие «русская Америка», однако, в отличие, скажем, от Кавказа, какого-либо серьёзного влияния на русский язык местные

идиомы не оказали. Знакомство с коренными обитателями Америки шло у русскоязычной аудитории почти исключительно через литературу (прежде всего художественную), а следовательно, «освоение» могло носить только вторичный характер – т. е. через те слова и выражения, которые уже были «освоены» английским – в первую очередь, естественно, в его американском варианте. Причём, как это имело место и в последнем, с одной стороны, речь идёт о собственно заимствовании (примерами могут служить действительно могущие считаться освоенными *vigвам* или *вампум*), с другой – калькированные обороты, причём калькировались они именно с английского (*bury the hatchet* – зарыть топор войны, *path of war* – тропа войны и др.).

Разумеется, говоря об «освоенной» реалии, приходится учитывать, что само использование этого выражения носит несколько условный характер. С одной стороны, освоенной «до конца» реалия вряд ли может считаться – это означает, строго говоря, «растворение» её в переводном языке, т. е. утрату исходной этнокультурной специфики, а наличие этой последней признаётся специфической особенностью, присущей словам-реалиям. С другой стороны, понятно, что сама «освоенность» подобных реалий носит ограниченный характер: *томагавк* или *мокасины* хорошо известные многим отечественным читателям (прежде всего юного возраста, зачитывавшимся, скажем, романами Фенимора Купера), но с *пейотлем* или *типи* дело обстоит уже по-иному.

Соответственно, при передаче различных лексических единиц (будь то «индийские» или «индейские» по

происхождению) может применяться разная переводческая стратегия: от использования уже освоенного переводным (русским) языком слова, часто даже без пояснения (примером может служить упоминавшийся выше *vigвам*), до полного опущения, как это произошло с лексемой *khitmugar* [2]. При этом, разумеется, принимается во внимание сам характер переводимого текста (скажем, в произведении, посвящённом жизни и быту белого «сахиба» и имевшегося в его доме штага прислуги, нулевой перевод был бы вряд ли уместен).

Наконец, при всей кажущейся парадоксальности такого положения сама лексическая единица, отражающая то или иное специфическое для данной культуры явление, может в лингвистическом плане оказаться не искомой, а «освоенной чужой», т. е. между «реалией-вещью» и «реалией-словом» будут наблюдаться, если можно так выразиться, не вполне симметричные отношения. В упомянутом выше англо-индийском словаре, например, фигурирует реалия, которую можно отнести к локальным, т. е. представленным именно в южной части страны лексемам, *piol* (*pyol*), имеющая даже не восточное, а западное (португальское) происхождение. Аналогично столь привычная для русских читателей, хотя бы поверхностно знакомых с «индийскими» сюжетами, трубка мира нередко именуется в соответствующих текстах словом *calumet*, восходящим к французскому *chalumeau*, обозначавшему свирель или тростниковую дудочку. Возможно, в силу этого обстоятельства, эта лексема (в отличие от *томагавка*, *вигвама* или *мокасин*) русским языком освоена не

была, передаваясь парафразой *трубка мира*. Последняя, кстати, в определённом отношении больше соответствует традициям коренных народов Америки, поскольку общее название у этого предмета, несмотря на его огромную роль в жизни, быте и религиозных церемониях индейцев, в их языках отсутствовало.

С другой стороны, при освоении реалий наблюдается явление, которое можно было бы охарактеризовать как изменение понятия. Так, для английского вполне освоенной может считаться в лингвокультурном плане реалия *Манито / Маниту*, нередко употребляемая и в русских переводах (здесь, правда, об «освоении» в собственном смысле говорить вряд ли

возможно). Будучи взята из алгонкинских языков, она обозначает некую таинственную силу, подчиняющую себе каждого человека, тогда как в художественной литературе – произведениях европейских и американских авторов на «индейскую» тематику – эта сущность в трактовке «Великого духа» едва ли не отождествляется с христианским Богом, что явно не соответствует мировоззрению коренных жителей Америки.

Все сказанное позволяет констатировать, что проблема так называемого освоения реалии представляет большой интерес для теории и практики перевода и ее дальнейшее изучение следует признать одной из актуальных задач переводоведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Влахов С., Флорин С. Непереваемое в переводе. М.: Высшая школа, 1986. 416 с.
2. Конан Дойль А. Знак четырёх // Конан Дойль А. Собрание сочинений: в 8 тт. Т. 1. М.: Правда, 1966. С. 149–264.
3. Мазирка И.О., Хухуни Г.Т. К вопросу о так называемом «нулевом переводе» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 65–70.
4. Модестов В.С. Художественный перевод: история, теория, практика. М.: Издательство Литературного института им. А.М. Горького, 2006. 463 с.
5. Сивохо М.И. Прагматические аспекты передачи реалий при переводе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 136 с.
6. Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН: Институт иностранных языков, 2006. 312 с.
7. Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. Пособие по лингвострановедению. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
8. Conan Doyle A. The Sign of Fore // Conan Doyle A. The Penguin Complete Sherlock Holmes. New York: Penguin Books, 1983. P. 89–160.
9. Yule H., Burnell A.C. Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary. Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd, 1996. XLVIII+1022 p.

REFERENCES

1. Vlahov S., Florin S. *Neperevodimoe v perevode* [Untranslatable in translation]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1986. 416 p.
2. Conan Doyle A. The Sign of four. In: *Artur Conan Doyle. Sbranie sochinenii* [Collected works. Vol. 1]. Moscow, Pravda Publ., 1966, pp. 149–264.
3. Mazirka I.O., Khukhuni G.T. The issue of so-called "zero translation". In: *Vestnik Moskovsko-*

- go gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2015, no. 1, pp. 65–70.
4. Modestov V.C. Khudozhestvennyi perevod: istoriya, teoriya, praktika [Literary translation: history, theory, practice]. Moscow, Lit. institute n.a. A.M.Gor'kiy Publ., 2006. 463 p.
 5. Sivokho M.I. *Pragmaticheskie aspekty peredachi realii pri perevode: diss. ... kand. filol. nauk* [Pragmatic aspects of the transfer of the realities in translation: PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2007. 136 p.
 6. *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow, Institut yazykoznaniiya RAN; Institut inostrannykh yazykov Publ., 2006. 312 p.
 7. Tomakhin G.D. *Realii-amerikanizmy. Posobie po lingvostranovedeniyu* [Realities-Americanisms. Benefit event]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1988. 239 p.
 8. Conan Doyle A. The Sign of Four / Conan Doyle A. The Penguin Complete Sherlock Holmes. New York, Penguin Books, 1983, pp. 89–160.
 9. Yule H., Burnell A.C. Hobson-Jobson. The Anglo-Indian Dictionary. Ware, Hertfordshire, Wordsworth Editions LTd, 1996. XLVIII+1022 p.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пугина Елена Юниоровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: mirka2011@yandex.ru

Смыслов Сергей Павлович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: sp_ru@mail.ru

Холстинина Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории языка и англистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного областного университета;
e-mail: tat78@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena Yu. Pugina – PhD in Philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of the Language theory and English studies in Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: mirka2011@yandex.ru

Sergei P. Smyislov – PhD in Philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of the Language theory and English studies in Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: sp_ru@mail.ru

Tatiana V. Kholstinina – PhD in Philological sciences, associate professor, associate professor at the Department of the Language theory and English studies in Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Moscow Region State University;
e-mail: tat78@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пугина Е.Ю., Смыслов С.П., Холстинина Т.В. «Освоенная реалья» в англоязычном художественном тексте и её межъязыковая передача // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 141–149.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-141-149

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

E. Pugina, S. Smyislov, T. Kholstinina. “The assimilated reality” in the English literary text and its interlingual rendering. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Linguistics. 2017, no. 3, pp. 141–149.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-3-141-149